

ДО И ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА

Леонид МЛЕЧИН

На подмостках истории

Леонид Млечин

До и после смерти Сталина

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2019

УДК 323
ББК 63.3

Млечин Л. М.

До и после смерти Сталина / Л. М. Млечин — ИД
"АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2019 — (На подмостках истории)

ISBN 978-5-6043544-3-8

Автор книги – известный советский и российский журналист, международный обозреватель, автор и ведущий информационно-аналитических программ, посвященных истории, политике, международным отношениям, портретам лидеров стран мира. Отчасти материалы этих встреч легли в основу настоящей книги, которая охватывает самый неоднозначный в плане исторических оценок период правления Хозяина Кремля, И. Сталина, – с 1937 по 1953 год, в котором было все: Великая Отечественная война, Большой террор, зачистки Лубянки, вереница арестов ближайших соратников членов Политбюро ЦК КПСС, «ленинградское дело», создание атомной бомбы, тайные операции Смерш и НКВД, выхолащивание советской науки от космополитизма. Является ли смерть И. Сталина случайностью или результатом отравления? За что приговорили к высшей мере наказания Л.П. Берия? Почему вождь не оставил после себя преемника? Явились ли зачистки плодом параноидного психоза управляющей верхушки Кремля или средством защиты от работы пятой колонны – внутрикремлевских агентов иностранных контрразведок?

УДК 323
ББК 63.3

ISBN 978-5-6043544-3-8

© Млечин Л. М., 2019

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2019

Содержание

От автора	7
Часть первая	10
Линия первая. Наследник лишается наследства и жены	10
Линия вторая. Прощание с гармонистом	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Леонид Млечин
До и после смерти Сталина

© Млечин Л.М., 2019

© АО «Издательский дом «Аргументы недели», 2019

От автора

События, происходившие в Советском Союзе в последние сталинские годы, часто кажутся необъяснимыми и непостижимыми.

Расстрел недавних руководителей Ленинграда, в том числе одного члена политбюро, одного члена оргбюро и одного секретаря ЦК, преследование видных партийных работников, выходцев из Питера, по всей стране.

Опала второго человека в партии, ее главного идеолога – члена политбюро и секретаря ЦК Андрея Александровича Жданова. И его быстрая и странная смерть, которую потом назовут убийством.

Публичное унижение члена политбюро Вячеслава Михайловича Молотова, которого страна и мир воспринимали как ближайшего соратника и наследника Сталина, арест его жены – недавнего наркома и кандидата в члены ЦК Полины Семеновны Жемчужиной.

Отстранение от реальной власти тех, кто долгие годы были рядом со Сталиным – маршала Климента Ефремовича Ворошилова, Лазаря Моисеевича Кагановича, Анастаса Ивановича Микояна.

Падение всесильного министра госбезопасности генерал-полковника Виктора Семеновича Абакумова, считавшегося сталинским любимцем. В советские годы последовательно арестовали и расстреляли пятерых хозяев Лубянки. Но мучили и пытали – причем с особой жестокостью и садизмом лишь одного – Абакумова.

Чистка аппарата Лубянки и массовые аресты руководителей чекистского ведомства, в том числе несменяемого начальника личной охраны Сталина, казавшегося доверенным лицом вождя.

И, наконец, единственное дело, преданное в ту пору гласности, – арест известных на всю страну врачей, а также руководителей Лечебно-санитарного управления Кремля, обвиненных в сознательном умерщвлении руководителей партии и правительства.

Цепь трагических событий кажется странной. Отдельные звенья словно и не связаны между собой. На самом деле, существовал замысел, рожденный в сознании вождя.

Да только Сталин никогда не обнародовал свои планы. Никого не предупреждал. Ни с кем не советовался. И не доверял свои мысли бумаге.

«Сталин тем и отличался, что не всегда раскрывал себя, – вспоминал его верный соратник по политбюро Лазарь Каганович. – Он не раскрывал нам свои планы. Мы должны были догадываться».

Он мог ждать годами, пока не настанет удобный момент разделаться с тем, от кого задумал избавиться. «Внутренне безжалостный и жестокий, он редко показывал свои чувства, – отмечают историки. – Он был сложен, осторожен, закрыт для всех, часто противоречив и мнителен. Действовал исподтишка, желательно чужими руками».

Так каков же был замысел?

Он открывается шаг за шагом.

Исходная точка – представленный Сталину Министерством государственной безопасности СССР план американской боевой операции против советского вождя.

План потрясал воображение. Обстрелять ракетами Кремль – прямо из окон американского посольства, которое в ту пору находилось в самом центре Москвы. Иначе говоря, нанести удар в самое сердце страны – уничтожить советское правительство и самого вождя, Сталина, который вечерами работал в Кремле.

Провести операцию, говорилось в докладной записке, которую министр государственной безопасности Семен Денисович Игнатьев представил Сталину, поручено американскому военному атташе в Москве Джону О’Дэниелу. Новинка военной техники – ракеты (в разобранном

виде) – должны тайно доставить на советскую территорию через Балтику в конце 1951 года. Сам теракт намечен на март пятьдесят второго.

Потом от этой точной даты отказались. Министр госбезопасности уточнил: обстрел Кремля должен совпасть с моментом начала войны, которую Соединенные Штаты развяжут против Советского Союза...

Самая загадочная интрига времен холодной войны. Да в ней так много темных пятен, что это уже, скорее, не история, а «Черный квадрат» Казимира Малевича! Тем более что после смерти Сталина главных действующих лиц поспешили отправить в мир иной. И в силу некоторых причин всю эту историю вспоминать не хотят.

25 декабря 1950 года в Китае, где власть взяли коммунисты во главе с Мао Цзэдуном, советские чекисты арестовали русского эмигранта Ивана Ивановича Варфоломеева.

Но только через год с лишним министр госбезопасности Игнатьев представил Сталину справку о деле «арестованного в Китае белоэмигранта Варфоломеева». Почему так затянулось следствие, которое вел не кто иной, как подполковник Михаил Дмитриевич Рюмин? Восходящая звезда Лубянки, человек, погубивший прежнего министра госбезопасности, – знаменитого Абакумова. Историческая фигура, о нем еще пойдет речь на страницах этой книги.

Рюмин докладывал, что Иван Варфоломеев еще с довоенных времен служил платным агентом японской разведки. Затем его перевербовали американцы. Подполковник Рюмин выяснил, кто именно: «Варфоломеев в Китае тесно общался с американским разведчиком Рогальским П.А.».

И по сей день даже не известно, существовал ли в реальности этот человек – Петр Арсеньевич Рогальский. Или же Варфоломеев придумал его вместе со следователем – кудесником, который на Лубянке вел его дело. Вернее, сочинял.

По данным следствия, Петр Рогальский первоначально работал на французскую разведку. Перед войной стал уже американским агентом. Переехал в Соединенные Штаты. Женился на американке. Обосновался в Нью-Йорке, устроился в один из банков. А его тесть работал у Ламмота Дюпона, крупного олигарха, как сказали бы ныне.

Дюпон, а с ним другие столпы американского бизнеса – главы компаний «Дженерал электрик» и «Стандарт ойл кампани», докладывал Рюмин, вошли в состав тайного «финансового центра». И это главное в служебной записке министерства госбезопасности: тайный центр образован с одной целью – собрать деньги на подготовку Соединенных Штатов к войне против Советского Союза.

Сам план нападения, говорилось в материалах министерства госбезопасности, разрабатывает высшее военное руководство США – председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Омар Брэдли, командующий стратегической авиацией генерал Куртис Лемэй, начальник штаба военно-воздушных сил генерал Нэйтэн Твайнинг, а также генерал Хойт Ванденберг.

Все имена известные, это крупнейшие американские военачальники. Хойт Ванденберг представлял особый интерес, поскольку во время войны генерал был заместителем руководителя американской военной миссии в Москве, а потом возглавил Центральную разведывательную группу – предшественницу ЦРУ.

И главное, что сообщало следствие: президент Соединенных Штатов Гарри С. Трумэн уже благословил разработанные ими планы. Главный из них – ракетный удар по Кремлю, чтобы разом уничтожить советское правительство.

«Рогальскому, – докладывали чекисты Сталину, – стало известно о том, что американский военный атташе в Москве генерал О’Дэниэл направил в военное министерство США так называемый «план внутреннего удара», предлагая обстрелять с помощью новых (бесшумных) выбрасывателей территорию Кремля бомбами большой разрушительной силы, развивающимися при взрыве высокую температуру».

Рогальский сообщил Варфоломееву, что «американцы, используя нелегальные каналы, якобы имеющиеся у них на Балтийском побережье СССР, должны были перебросить на советскую территорию метательные аппараты».

Кроме того, показал Варфоломеев на допросе, «в 1949 году американское посольство в Москве получило указание взять на особый учет всех более или менее видных партийных и советских работников, которым, по мнению американцев, со стороны советского правительства нанесены «обиды» (снятие с ответственных постов, понижение по службе и т. п.), и изыскать возможности для привлечения их к работе в пользу США».

Иначе говоря, американцы вербуют пятую колонну, готовую в случае войны помочь внешнему врагу.

«План внутреннего удара» – такое название эта идея обрела на Лубянке. Сталина предупредили, что американский военный атташе уже отправил в Вашингтон детальный план Кремля с указанием расположения квартир членов советского правительства, бомбоубежища и электростанции.

Откуда американец все это узнал?

От своей агентуры.

2-е Главное управление (контрразведка) Министерства госбезопасности успокоили вожда, что проводится оперативно – следственная работа, дабы найти того, кто все это рассказал американскому военному атташе.

В записке Министерства госбезопасности отмечалось, что согласно данным Рогальского, американский атташе и четыре его помощника, составившие «план внутреннего удара», готовы сами его осуществить. А руководители «финансового центра» во главе с Дюпоном гарантировали полную материальную обеспеченность как их самих, если они останутся живы, так и их семей.

Привезенного из Китая эмигранта Ивана Варфоломеева чекистам было приказано готовить к большому публичному процессу. Его ошеломляющие, сенсационные показания должны были стать подтверждением существования грандиозного заговора против нашей страны, в котором внутренние враги объединились с внешними.

Часть первая

План внутреннего удара

Линия первая. Наследник лишается наследства и жены

Грандиозный замысел рождался постепенно.

После войны, осенью 1945 года, Сталин уехал из Москвы. Он отдыхал на юге несколько месяцев. Сказывался возраст и напряжение военных лет: «Ему хотелось покоя, – вспоминала его дочь Светлана. И добавила: – Он не знал порою сам, чего ему хотелось».

Он принимал сероводородные ванны на Малой Мацесте. Сталин с молодых лет страдал заболеваниями опорно-двигательного аппарата. У него болели руки и ноги. Левая рука плохо сгибалась и разгибалась. Тогда это называли сухорукостью. Ничего тяжелее трубки он левой рукой держать не мог. Причиной, возможно, была детская травма, перелом. С годами развился и ревматоидный артрит. Пострадали суставы. Началась атрофия мышц. Самым трудным было утро, когда возникало ощущение, что все болит и хрустит. Мацестинские ванны снимали боль, поэтому Сталин принимал их регулярно. В море не плавал. Вождь не раздевался в присутствии других людей. Никто не видел его не одетым.

Когда вождь отправился отдыхать, иностранные корреспонденты в Москве написали, что Сталин стар, болен и скоро покинет свой пост. Его сменил член политбюро, заместитель главы правительства и нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов. Он многие годы был ближайшим соратником вождя, считался вторым человеком в стране и его очевидным наследником. Вероятно, это стало слишком очевидным...

«Приходилось тщательно изучать статус приближенных вождя, – вспоминал те годы сотрудник аппарата ЦК. – Кто и насколько близок был к вождю из его соратников. А приближение к вождю было разное. Молотов – ученик Ленина и соратник Сталина; Ворошилов – верный ученик Ленина, ближайший соратник и друг Сталина; Каганович – ближайший соратник; Микоян – один из ближайших соратников; Жданов – один из ближайших учеников и соратников; Хрущев – верный ученик и соратник; Шверник – соратник».

1 декабря 1945 года в британской газете «Дейли геральд» появилась корреспонденция из Москвы, в которой пересказывались слухи, связанные с отпуском Сталина: «На сегодняшний день политическое руководство Советским Союзом находится в руках Молотова, при наличии, конечно, общих директив со стороны политбюро».

Вождю присылали обзоры иностранной прессы. Его эти предположения бесили. И он спешил показать, что все нити управления у него в руках. В ноябре он уже сделал выговор членам политбюро за то, что «Правда» сообщила о весьма дружеском в отношении Советского Союза выступлении Уинстона Черчилля в Лондоне: «Считаю ошибкой... Советские лидеры не нуждаются в похвалах со стороны иностранных лидеров». Молотов немедленно ответил: «Опубликование сокращенной речи Черчилля было разрешено мною. Считаю это ошибкой... Во всяком случае ее нельзя было публиковать без твоего согласия».

Агентство «Рейтер» сообщило об ослаблении цензуры корреспонденций иностранных журналистов из Москвы. Оно сослалось на слова, сказанные 7 ноября 1945 года на приеме Молотовым одному из американских журналистов:

– Я знаю, что вы, корреспонденты, хотите устранить цензуру. Что бы вы сказали, если бы я согласился с этим на условиях взаимности?

Вячеслав Михайлович уверял товарищей по политбюро, что он таких слов не говорил. Но было поздно. Вождь пребывал в гневе. 5 декабря 1945 года телеграфировал из Сочи Молотову,

Берии, Микояну и Маленкову: «Дня три тому назад я предупредил Молотова по телефону, что отдел печати НКВД допустил ошибку, пропустив корреспонденцию газеты «Дейли геральд» из Москвы, где излагаются всякие небылицы и клеветнические измышления насчет нашего правительства, насчет взаимоотношений членов правительства и насчет Сталина.

Молотов мне ответил, что он считал, что следует относиться к иностранным корреспондентам более либерально, и можно было бы пропускать корреспонденции без особых строгостей. Я ответил, что это вредно для нашего государства. Молотов сказал, что он немедленно даст распоряжение восстановить строгую цензуру. Сегодня, однако, я читал в телеграммах ТАСС корреспонденцию московского корреспондента «Нью – Йорк таймс», пропущенную отделом печати НКВД, где излагаются всякие клеветнические шуточки насчет членов нашего правительства...

Если Молотов распорядился дня три назад навести строгую цензуру, а отдел печати НКВД не выполнил этого распоряжения, то надо привлечь к ответу отдел печати НКВД. Если же Молотов забыл распорядиться, то отдел печати НКВД ни при чем и надо привлечь к ответу Молотова. Я прошу вас заняться этим делом».

Члены политбюро послушно провели расследование. Доложили в Сочи, что Молотов после окрика Сталина, разумеется, дал соответствующие указания отделу печати НКВД, но возмущившая вождя корреспонденция для газеты «Нью-Йорк таймс» была уже отправлена.

Сталин все равно остался недоволен. Недогадливые соратники его не поняли. Он велел не выяснять, что и как произошло – ему-то уже все было ясно! – а примерно наказать Молотова! В тот же день продиктовал Маленкову, Берии и Микояну новое послание. Это уже был настоящий обвинительный акт в отношении Молотова:

«Вашу шифровку получил. Я считаю ее совершенно неудовлетворительной. Она является результатом наивности трех, с одной стороны, ловкости рук четвертого члена, то есть Молотова, с другой стороны...

Молотов не мог не знать, что пасквили на советское правительство, содержащиеся в этих сообщениях, вредно отражаются на престиже и интересах нашего государства. Однако, он не принял никаких мер, чтобы положить конец безобразию, пока я не вмешался в это дело. Почему он не принял мер? Не потому ли, что Молотов считает в порядке вещей фигурирование таких пасквилей особенно после того, как он дал обещание иностранным корреспондентам насчет либерального отношения к их корреспонденциям? Никто из нас не вправе единолично распоряжаться в деле изменения курса нашей политики. А Молотов присвоил себе такое право. Почему, на каком основании? Не потому ли, что пасквили входят в план его работы?..

До вашей шифровки я думал, что можно ограничиться выговором в отношении Молотова. Теперь этого уже недостаточно. Я убедился в том, что он не очень дорожит интересами нашего государства и престижем нашего правительства, лишь бы добиться популярности среди некоторых иностранных кругов. Я не могу больше считать такого товарища своим первым заместителем...

Я вас прошу вызвать к себе Молотова, прочесть ему эту мою телеграмму, но копии ему не передавать».

Тройка пригласила Молотова, и теперь это уже был другой разговор. Всем стала ясна степень недовольства вождя, который требовал его сурово наказать. Тройка доложила в Сочи:

«Мы сказали Молотову, что все сделанные им ошибки за последний период, в том числе и ошибки в вопросах цензуры, идут в одном плане уступок англо-американцам и что в глазах иностранцев складывается мнение, что у Молотова своя политика, отличная от политики правительства и Сталина и что с ним, с Молотовым, можно сработаться... Молотов, после некоторого раздумья, сказал, что он допустил кучу ошибок, но считает несправедливым недоверие к нему, прослезился».

Члены политбюро пытались как-то выручить Молотова, поэтому и докладывали Сталину, что Вячеслав Михайлович каялся, просил прощения и плакал.

Сталин безглаголиво ответил:

– Что он, институтка, плакать?

9 декабря вождь отправил в Москву обширную шифровку, в которой отчитал соратников за слабость и либерализм во внешней политике и потребовал от них непоколебимой стойкости:

«Вы поддались нажиму и запугиванию со стороны США, стали колебаться, приняли либеральный курс в отношении иностранных корреспондентов и выдали свое собственное правительство на поругание этим корреспондентам, рассчитывая умиловить этим США и Англию. Ваш расчет был, конечно, наивным. Я боялся, что этим либерализмом вы сорвете нашу политику стойкости и тем подведете наше государство. Именно в это время вся заграничная печать кричала, что русские не выдержали, они уступили и пойдут на дальнейшие уступки. Но случай помог вам, и вы вовремя повернули к политике стойкости».

Членов сталинского политбюро можно было обвинить в чем угодно, только не в либерализме. Что же означали гневные слова вождя? Во-первых, требование максимальной жесткости в отношении Запада. Во-вторых, подтверждение главного административного принципа – никакой самостоятельности, ни одного решения без санкции вождя! В-третьих, это фактически приговор Молотову, совершившему серьезные политические ошибки: «Я не могу больше считать его своим первым заместителем». Звучало злое.

Молотов ответил Сталину:

«Сознаю, что мною допущены серьезные политические ошибки в работе... Твоя шифровка проникнута глубоким недоверием ко мне, как большевику и человеку, что принимаю как самое серьезное партийное предостережение для всей моей дальнейшей работы, где бы я ни работал. Постараюсь делом заслужить твое доверие, в котором каждый честный большевик видит не просто личное доверие, а доверие партии, которое мне дороже моей жизни».

Молотов, пожалуй, единственный в политбюро, понимал масштабность сталинских замыслов и полностью их поддерживал. Но вождь в нем больше не нуждался. Молотов был невероятно холодным человеком. Чужие страдания его никогда не трогали. Но теперь под ударом находился он сам. И в полную меру ощутил, что значит впасть в немилость. Любопытная деталь: у Молотова, такого жесткого политика, было вялое рукопожатие слабохарактерного человека.

Опытные чиновники увидели, как Вячеслава Михайловича отодвигают в сторону от главных дел. Это продолжалось год за годом. 29 марта 1948 года на политбюро приняли решение:

«В связи с перегруженностью удовлетворить просьбу т. Молотова об освобождении его от участия в заседаниях Бюро Совета Министров с тем, чтобы т. Молотов мог заняться главным образом делами по внешней политике».

Вячеслав Михайлович вовсе не просил отстранять его от участия в принятии ключевых решений. Это Сталин вписал слова о «просьбе т. Молотова». Решение политбюро означало, что Молотов отстранен от руководства страной. Но худшее для него началось, когда Министерство государственной безопасности, заручившись санкцией Сталина, взялось за его жену.

Вячеслав Михайлович и Полина Семеновна Жемчужина прожили в любви и согласии до самой ее смерти. Она была столь же пламенной коммунисткой, как и Молотов, а Сталина любила даже больше, чем мужа. Жена и дочь Светлана были единственными людьми, к которым Вячеслав Михайлович относился с нежностью.

Полина Семеновна была на семь лет моложе Молотова. Она родилась в Екатеринославе и с четырнадцати лет работала набивщицей на папиросной фабрике. В мае 1917 года заболела туберкулезом. Не могла работать, лечилась и жила у сестры. После революции вступила в Красную Армию. В 1918 году ее приняли в партию, в 1919 году взяли инструктором ЦК компартии Украины по работе среди женщин.

В 1921 году она перебралась в Москву и стала инструктором Рогожско-Симоновского райкома. В том же году они с Молотовым поженились. После свадьбы Жемчужина пошла учиться. В 1925 году окончила рабочий факультет имени М.Н. Покровского, в 1927 году – курсы марксизма при Коммунистической академии. Летом 1927 года Жемчужина стала секретарем партийной ячейки на парфюмерной фабрике «Новая заря». Год проработала инструктором Замоскворецкого райкома. В сентябре 1930 года ее назначили директором парфюмерной фабрики «Новая заря».

В те годы Сталины и Молотовы дружили семьями. В последние часы жизни Надежды Сергеевны Аллилуевой, жены Сталина, рядом с ней находилась Полина Жемчужина.

Это произошло в 1932 году на ноябрьские праздники.

8 ноября Сталин и Аллилуева побывали в Большом театре. Надежде Сергеевне показалось, что муж уделяет слишком много внимания одной из балерин. Увлечение балеринами считалось модным в советском руководстве. Из театра они отправились ужинать к наркому обороны Клементу Ефремовичу Ворошилову, у которого собралось множество гостей, в основном военных.

Сталин пребывал в превосходном настроении. Потом говорили, что он вроде бы оказывал знаки внимания жене одного из военачальников. Это не прошло незамеченным для окружающих, прежде всего, для жены. Увидев, что она недовольна, Сталин бросил ей в тарелку корку от апельсина и в своей грубоватой манере обратился к ней:

– Эй, ты!

Надежда Аллилуева вспылила:

– Я тебе не «эй, ты»!

Она вскочила и вышла из комнаты. За ней последовала Полина Семеновна Жемчужина. Они вдвоем долго гуляли по осеннему Кремлю. При Сталине он был закрыт для посетителей. Никого, кроме охраны, там не было.

Жемчужина расскажет потом, что Надежда жаловалась на мужа. Она ревновала Сталина и считала, что у нее имеются для этого основания. Дочери Сталина, Светлане, позднее Полина Семеновна рассказывала:

– Отец был груб, ей было с ним трудно – это все знали; но ведь они прожили уже немало лет вместе, были дети, дом, семья, Надю все так любили... Кто бы мог подумать! Конечно, это был не идеальный брак, но бывает ли он вообще идеальным?

Надежда Аллилуева вроде бы успокоилась и пошла домой – семья генерального секретаря жила в Потешном корпусе Кремля. Сталин и Аллилуева спали в разных комнатах. Она у себя. Он – в кабинете или в небольшой комнате с телефоном возле столовой. Там он и лег в ту ночь после банкета. Это значит, что в те роковые часы, часы отчаяния, тоски, сжигавшей ее ревности, Надежда Аллилуева осталась совсем одна. Если бы Сталин, вернувшись, захотел объясниться или вообще посмотреть, что там происходит с его женой, она, возможно, осталась бы жива. Но он вернулся от Ворошилова в прекрасном настроении и, надо полагать, не хотел его портить неприятными объяснениями с женой.

Утром Надежду пришла будить экономка и нашла ее мертвой. Она застрелилась из дамского пистолета, который ей привез брат Павел Аллилуев... 10 ноября 1932 года «Известия» сообщили о кончине «активного и преданного члена партии, слушательницы отделения искусственного волокна химического факультета Промакадемии Надежды Сергеевны Аллилуевой».

Потом станет ясно, что присутствие Надежды благотворно влияло на Сталина. При ее жизни в доме Сталина не было тяжелых застолий, которые часто заканчивались каким-нибудь непотребством. Перепившиеся члены политбюро швыряли спелые помидоры в потолок и хохотали как сумасшедшие. После смерти жены Сталин сильно изменился. Мрачные черты постепенно брали верх. Сталин стал больше пить, просиживал за обеденным столом по три-четыре

часа, пока алкоголь не затуманивал мозги. Долго не отпускал сотрапезников – боялся остаться один.

В начале тридцатых Сталин прислушивался к мнению Полины Семеновны Жемчужиной. Она внушала вождю, что необходимо развивать парфюмерию, потому что женщинам нужно не только мыло, но и духи, и косметика. Жемчужина возглавила трест мыловаренно-парфюмерной промышленности, а летом 1936 года – Главное управление мыловаренной и парфюмерно-косметической промышленности наркомата пищевой промышленности. Через год – она уже заместитель наркома пищевой промышленности.

В январе 1939 года Сталин сделал ее наркомом рыбной промышленности, распорядился избрать кандидатом в члены ЦК и депутатом Верховного Совета СССР. Наградил орденами Ленина, Трудового Красного знамени, Красной звезды, Знак Почета.

Но отношение Сталина к Молотову уже изменилось. Вячеслав Михайлович, который возглавлял правительство, получил неожиданное назначение в наркомат иностранных дел. Не все тогда поняли, что он отодвинут в сторону и утратил роль второго человека.

А у его жены возникли куда более серьезные неприятности. На нее завели дело в наркомате внутренних дел по обвинению в связях с «врагами народа и шпионами». Хотя по этому обвинению следовало судить, прежде всего, самого Сталина – это же он назначал на высокие должности тех, кого потом сам объявлял врагами.

Начались аресты по ее делу. В июне 1939 года взяли врача Илью Львовича Белахова, директора Института косметики и гигиены, входившего в систему главного управления парфюмерной промышленности (то есть он подчинялся Жемчужиной). Ордер на арест подписал первый заместитель наркома комиссар госбезопасности 3-го ранга Всеволод Николаевич Меркулов.

Показания на Полину Жемчужину нужны были срочно, поэтому допрашивали Илью Белахова с особой жестокостью. Руководил этим Всеволод Меркулов.

Пройдет время и Меркулов скажет о себе: «Я был наивным, очень скромным и очень застенчивым человеком. Несколько замкнутым и молчаливым. Речей я не произносил и так и не научился произносить их до сих пор. Язык у меня был словно чем-то скован».

Если Меркулов и был когда-то скромным и застенчивым, то на чекистской службе он успешно избавился от своих недостатков.

«С первого же дня ареста меня нещадно избивали по 3–4 раза в день, – писал Белахов в заявлении прокурору, которое начальник тюрьмы переслал в секретариат Меркулова. – Избивали резиновыми палками, стальными пружинами и линейками, били по половым частям. Я терял сознание. Прижигали меня горячими папиросами, обливали водой, приводили в чувство и снова били. Потом перевязывали в амбулатории, бросали в карцер и на следующий день снова избивали. Я мочился кровью, перешибли позвоночник, я стал терять зрение.

От меня требовали, чтобы я сознался в том, что я сожительствова с гражданкой Жемчужиной и что я шпион. Я не мог оклеветать женщину, ибо это ложь. Шпионской деятельностью я никогда не занимался. Мне говорили, чтобы я только написал маленькое заявление на имя наркома, что я себя в этом признаю виновным, а факты мне они сами подскажут».

Арестованного привели к наркому внутренних дел Лаврентию Павловичу Берии. Тот щедро пообещал:

– Белахов, будьте откровенны, вернетесь на свободу и будете работать. Правда, первое время не в Москве, а в провинциальном вузе. Потом переедете в Москву.

Белахов клеветать на Полину Семеновну не пожелал. Берия приказал арестованному лечь на пол, спустив брюки, и кивнул сидевшему в кабинете Кобулову. Заместитель наркома внутренних дел Богдан Захарович Кобулов сам избил арестованного резиновой палкой.

Берия и Молотов часто виделись, Лаврентий Павлович самым дружеским образом приветствовал главу правительства. Они были на «ты». Его первый заместитель Меркулов почти-

тельно кланялся Вячеславу Михайловичу. И при этом они оба из кожи вон лезли, чтобы посадить его любимую жену...

Илью Львовича Белахова держали в камере до начала войны. Он написал письмо Меркулову, не подозревая, что тот и отправил его за решетку:

«Я невиновен, и я умоляю спасти меня. Я умоляю вас обратить внимание на незаконность и преступность некоторых лиц, которые вели следствие. В процессе следствия меня избивали, пытали, принуждая подписывать несуществующие факты. Я не могу передать вам всю тяжесть перенесенных мною мук и страданий».

Осенью сорок первого его расстреляли без суда и следствия.

18 октября 1941 года нарком Берия вручил секретное поручение № 2756/б сотруднику для особых поручений спецгруппы НКВД старшему лейтенанту госбезопасности Демьяну Эммануиловичу Семенихину:

«С получением сего предлагается вам выехать в город Куйбышев и привести в исполнение приговор – к высшей мере наказания – расстрелять следующих заключенных...

Об исполнении донести».

В списке обреченных под номером 22 значился Илья Львович Белахов. В справке 1-го спецотдела НКВД сказано, что его расстреляли 1 ноября 1941 года. Старший лейтенант госбезопасности Семенихин выполнил поручение наркома. Через два года он вырос до подполковника госбезопасности и получил орден Красного знамени.

Расстрел Белахова был незаконным даже по тем временам. Во-первых, его даже формально не приговорили к смертной казни. Во-вторых, Уголовный кодекс РСФСР вообще не предусматривал такой меры наказания как расстрел, за преступления, которые ему вменялись следствием.

В 1953 году, когда арестовали уже самого Берию, генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко напомнил ему и эту историю. Берия хладнокровно пояснил, что он всего лишь исполнял указание:

– Арест Белахова был произведен в связи с Жемчужиной по указанию инстанции.

Инстанция – это Сталин. Имя вождя в протоколах допросов Берии следователи старались не упоминать.

Задним числом, в конце февраля 1942 года, начальник следственной части НКВД Лев Емельянович Влодзимирский составил обвинительные заключения, в которых написал, что расстрелы проведены по «специальным указаниям директивных органов». Заместитель наркома Кобулов их утвердил, поставив везде дату – 17 октября 1941 года. Всю пачку, как положено, принесли и прокурору СССР Виктору Михайловичу Бочкову.

Бочков не был юристом, служил офицером – пограничником. В 1938 году окончил военную академию имени М.В. Фрунзе, но вместо назначения в штаб Дальневосточного фронта решением ЦК оказался в аппарате НКВД. Берия, поговорив с офицером, определил его в начальники тюремного отдела, потом 4-го (особого) отдела НКВД. А в 1940 году, слушая радио, Виктор Бочков узнал, что утвержден прокурором СССР. Он был, как сам признавался, потрясен, но от должности не отказался.

Когда Лев Влодзимирский принес ему заключения о расстрелах, Бочков позвонил Берии. Его интересовал только один вопрос: действительно ли имелось указание директивных органов? Лаврентий Павлович рявкнул на прокурора СССР:

– Ты что, сомневаешься?

Виктор Бочков на всех делах расписался: «согласен». И поставил ту же липовую дату – 17 октября 1941 года...

Выбитых из арестованных показаний оказалось достаточно, чтобы оформить дело на Полину Семеновну Жемчужину.

10 августа 1939 года политбюро приняло постановление, которое прошло под высшим грифом секретности – «особая папка». В нем говорилось, что жена Молотова, чье имя старательно не называлось, «проявила неосмотрительность и неразборчивость в отношении своих связей, в силу чего в окружении тов. Жемчужиной оказалось немало враждебных шпионских элементов, чем невольно облегчалась их шпионская работа».

Политбюро поручило наркомату внутренних дел «произвести тщательную проверку всех материалов, касающихся тов. Жемчужиной». Умелые люди в НКВД немедленно состряпали показания о ее причастности к «вредительской и шпионской работе» и представили в ЦК. Но Сталин на тот момент удовлетворился малым. Он не спешил. Сделанного достаточно: жена Молотова уже скомпрометирована связью с врагами.

24 октября политбюро решило:

«Считать показания некоторых арестованных о причастности т. Жемчужиной к вредительской и шпионской работе, равно как их заявления о необъективности ведения следствия, клеветническими».

Иначе говоря, арестованные, которых допрашивали в НКВД, клеветали на жену Молотова. Но делали они это по собственной воле, а не потому что их избивали...

Полину Жемчужину сняли с поста наркома рыбной промышленности и с большим понижением перевели в республиканский наркомат местной промышленности начальником главка текстильной промышленности. В феврале 1941 года на XVIII конференции ВКП(б) Жемчужина лишилась высокого партийного звания кандидата в члены ЦК – «как не обеспечившая выполнения обязанностей кандидатов в члены ЦК»... Этот эпизод описал в дневнике генеральный секретарь исполкома Коминтерна Георгий Димитров:

«Вечернее заседание – закрытое. Вывели из состава членов и кандидатов ЦК и ревизионной комиссии ряд людей. Особое впечатление произвел случай с Жемчужиной. Она выступала неплохо: «Партия меня награждала, поощряла за хорошую работу. Но я увлеклась, мой заместитель (как наркома рыбной промышленности) оказался шпионом, моя приятельница – шпионка. Не проявила элементарной бдительности. Извлекла уроки из всего этого. Заявляю, что буду работать до последних своих дней честно, по-большевистски».

Аппарат Берии собирал материалы на всех руководителей страны. Высокая должность не защищала. Никто не знал, кто завтра попадет в немилость. В 1953 году бывший министр госбезопасности Меркулов рассказал на допросе:

– В 1938–1940 годах по указанию Берии велась проверка биографических данных некоторых руководителей партии и правительства. Эту работу проводил сотрудник Секретно-политического отдела Финкельберг, выезжавший с этой целью на места.

Григорий Павлович Финкельберг был заместителем начальника 3-го отделения 2-го отдела Главного управления госбезопасности. Дослужился до полковника.

Материалы на ответственных работников в отделе «А» (учетно-регистрационном) держали отдельно в мешках с надписью «Личный архив наркома Государственной безопасности Меркулова». Меркулов запретил их кому-либо выдавать. В начале войны спецархив эвакуировали в Куйбышев, потом перевезли в Свердловск. В 1944 году вернули в Москву. Здесь все дела внимательно просмотрел Богдан Кобулов. Меньше половины вернул на хранение в отдел «А». Остальные материалы оставил у себя.

После войны вождь вновь взялся за Молотова. Жемчужину лишили работы и перевели в резерв Министерства легкой промышленности. Теперь Сталин еще и стал винить Полину Семеновну в том, что она «плохо влияла» на Надежду Аллилуеву. Может быть, косвенно виновна в ее самоубийстве...

На жену Молотова завели новое дело. Предъявили новые обвинения – в духе веяний тех лет. 27 декабря 1948 года министр госбезопасности Виктор Семенович Абакумов и заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Матвей Федоро-

вич Шкирятов подписали записку на имя Сталина о «политически недостойном поведении» Жемчужиной: «В течение продолжительного времени вокруг нее группировались еврейские националисты, и она, пользуясь своим положением, покровительственно относилась к ним, являлась, по их заявлениям, советником и заступником их».

29 декабря Абакумов и Шкирятов весь набор обвинений изложили на заседании политбюро. В решении записали:

«1. Проверкой Комиссии Партийного Контроля установлено, что Жемчужина П.С. в течение длительного времени поддерживала связь и близкие отношения с еврейскими националистами, не заслуживающими политического доверия и подозреваемыми в шпионаже; участвовала в похоронах руководителя еврейских националистов Михоэлса и своим разговором об обстоятельствах его смерти с еврейским националистом Зускиным (народный артист РСФСР, лауреат сталинской премии Вениамин Львович Зускин играл в Государственном еврейском театре, в 1952 году его расстреляют. – *Авт.*) дала повод враждебным лицам к распространению антисоветских провокационных слухов о смерти Михоэлса; участвовала 14 марта 1945 года в религиозном обряде в Московской синагоге.

2. Несмотря на сделанные П.С. Жемчужиной в 1939 году Центральным Комитетом ВКП/б/ предупреждения по поводу проявленной ею неразборчивости в своих отношениях с лицами, не заслуживающими политического доверия, она нарушила это решение партии и в дальнейшем продолжала вести себя политически недостойно.

В связи с изложенным – исключить Жемчужину П.С. из членов ВКП/б/».

Итак, ее обвинили в том, что, во-первых, она сказала правду об убийстве Михоэлса, а, во-вторых, присутствовала в синагоге, где в тот мартовский день победного года проводили траурное богослужение в память о погибших во Вторую мировую войну.

И все это произносилось в присутствии Молотова. Вячеслав Михайлович не посмел и слова сказать в защиту жены. Лишь при голосовании позволил себе воздержаться. Этот естественный поступок ему еще и поставят в вину. Некоторые другие партийные лидеры в подобной ситуации умоляли позволить им своими руками уничтожить родных, объявленных врагами народа!

Исключение из партии было предвестием скорого ареста.

Сталин бросил Молотову:

– Тебе нужно разойтись с женой.

Молотов всю жизнь страстно любил Полину Семеновну. Он вернулся домой и пересказал жене разговор со Сталиным. Полина Семеновна твердо сказала:

– Раз это нужно для партии, значит, мы разойдемся.

Характера ей было не занимать. Она собрала вещи и переехала к родственнице – это был как бы развод с Молотовым. Вячеслав Михайлович, пытаясь спастись, написал вождю покаянное письмо:

«При голосовании в ЦК предложения об исключении из партии П.С. Жемчужиной я воздержался, что признаю политически ошибочным. Заявляю, что, продумав этот вопрос, я голосую за это решение ЦК, которое отвечает интересам партии и государства и учит правильному пониманию коммунистической партийности. Кроме того, признаю тяжелую вину, что вовремя не удержал Жемчужину, близкого мне человека, от ложных шагов и связей с антисоветскими еврейскими националистами, вроде Михоэлса».

Письмо Молотова – предел человеческого унижения, до которого доводила человека система. Самые простые человеческие чувства, как любовь к жене и желание ее защитить, рассматривались как тяжкое политическое преступление.

26 января 1949 года Полину Жемчужину арестовали. Министр Абакумов получил от Сталина санкцию на полную ее изоляцию. Ей запретили встречи с родственниками, чтобы она не передала Молотову «содержание ее дела и о чем ее допрашивали».

Арестовали десять человек – родственников (сестру брата, племянников) и бывших сослуживцев, из которых выбивали показания на Жемчужину. Сестра (домохозяйка) и брат (пенсионер) умерли в тюрьме.

Вождь распорядился разослать членам ЦК материалы из ее дела. Там было много гнусных подробностей, придуманных следователями с явным желанием выставить Молотова на посмешище. В материалах МГБ утверждалось, что Жемчужина была неверна мужу, и даже назывались имена ее мнимых любовников.

Генеральный секретарь ЦК Компартии Израиля в 1955 году встретил Молотова в больнице и возмущенно спросил:

– Почему вы, член политбюро, позволили арестовать вашу жену?

На лице Молотова не дрогнул ни один мускул.

– Потому что я член политбюро и должен был подчиняться партийной дисциплине. Я подчинился.

Дисциплина здесь была ни при чем. Арест жены явился для него колоссальной трагедией, но Вячеслав Михайлович не посмел возразить Сталину, иначе сразу отправился бы вслед за ней.

Многие сталинские соратники чуть-чуть не дожили до ста лет. Помимо природного здоровья от всех испытаний их спасала устойчивая нервная система и полная безжалостность. Ни самоубийство брата, ни ссылка жены, ни арест сына не могли ни нарушить их олимпийского спокойствия, ни поколебать готовности служить вождю.

Зачем геронтологи ездят на Кавказ и просят горцев поделиться секретами своего долголетия? Надо понять, как эти люди чуть-чуть не дотянули до ста – Молотов, Маленков, Ворошилов, Каганович?.. Ночные бдения, переменчивый нрав хозяина, низвержение с Олимпа, страх ареста – как они все переносили? Спасало полное отсутствие совести, чести, сострадания к чужим несчастьям и чувства собственного достоинства?.. На трибуне Мавзолея лица вождей казались такими значительными, жесты – исполненными особого смысла. При ближайшем рассмотрении эти люди – тусклы и жалки. И это многое объясняет в судьбе нашей страны.

Несколько десятилетий существования советской системы дали результаты. В обществе не осталось никаких защитных механизмов. Суд включили в систему подавления. Мораль и нравственность были раздавлены тотальным лицемерием. Расстреливали без вины. Жен казненных сажали. И даже детей ждала печальная судьба: тех, кто постарше, отправляли в исправительно-трудовые колонии, маленьких отдавали в детские дома.

Впоследствии Молотова, который был тогда главой правительства, спрашивали: почему репрессии распространялись на женщин и детей?

– Что значит – почему? – удивился наивному вопросу Вячеслав Михайлович. – Они должны быть в какой-то мере изолированы. А так, конечно, они были бы распространителями жалоб всяких... И разложения в известной степени.

Не хотели, чтобы жены и дети репрессированных, оставаясь на свободе, жаловались соседям и коллегам, рассказывали, что их мужья и отцы невиновны. Сеяли сомнения в правильности сталинских решений.

Особенность Большого террора состояла в его неизбирательном характере. В лагерь или на тот свет отправлялись и самые преданные слуги режима, обожествлявшие вождя. Когда за ними захлопывалась дверь камеры, им казалось, что это ошибка или козни обманывающей хозяина свиты. Но такова была система.

Смысл репрессий, всесоюзной зачистки, говоря современным языком, заключался в тотальности. Никаких исключений! Дела заводятся на всех, в любой момент каждый может быть арестован. И никто не мог знать, кто станет следующим. То, что начиналось как ликвидация давних оппонентов, превратилось в политику «сплошной ликвидации». Она достигла невероятных масштабов. И проводилась с особой жестокостью.

Арестованные не выдерживали пыток, даже такие крепкие, как бывший балтийский матрос Павел Ефимович Дыбенко или маршал Василий Константинович Блюхер, умерший в камере от избиений. Допросы с пристрастием и пытки вождем считал необходимым делом. Нарком внутренних дел эпохи большого террора Николай Иванович Ежов понравился Сталину тем, что не гнушался черновой работы. Один из следователей секретнополитического отдела НКВД рассказывал товарищам, как к нему в кабинет зашел нарком. Спросил, признается ли подсудимый?

– Когда я сказал, что нет, Николай Иванович как развернется и бац его по физиономии. И разъяснил: «Вот как их надо допрашивать!»

Ежов приехал в ЦК с Лубянки. Один из членов политбюро заметил у него на гимнастерке пятна крови:

– Что случилось?

– Такими пятнами можно гордиться, – ответил Ежов. – Это кровь врагов революции.

Пытали не всех. Высокопоставленным арестованным объясняли, что надо помочь следствию, тогда появится шанс на снисхождение. Арестованные искали объяснения происходящему и, видимо, приходили к выводу, что Сталину в силу высших государственных интересов понадобился показательный процесс. В таком случае нужно выполнить его волю. Потом их помилюют.

Недавний замнаркома внутренних дел Георгий Евгеньевич Прокофьев отказался подписать показания, сочиненные следователем. На допрос пришел Ежов. Прокофьев по привычке вскочил и вытянулся в струнку. Ежов по-свойски сказал ему:

– Надо дать показания.

Бывший заместитель наркома щелкнул каблуками:

– Так точно!

И подписал невероятные выдумки. Поверил, что Ежов его помилюет. А Николай Иванович обманул: Прокофьева расстреляли вместе с теми, кого он еще недавно сажал.

Наследники Ежова тоже старались. Зная, что Сталин это ценит, Меркулов летом 1941 года сам избивал недавнего начальника генерального штаба Кирилла Афанасьевича Мерецкова и наркома вооружения Бориса Львовича Ванникова. В 1953-м признал:

– Избивали их беспощадно. Это была настоящая мясорубка. Таким путем вымогались показания.

В те первые недели войны, когда, казалось бы, все силы должны быть брошены на сопротивление врагу, в НКВД фабриковали дело о мнимом подпольном правительстве, которое, дескать, ждало прихода Гитлера... Но в данном случае Меркулов напрасно старался. Его жертвам невероятно повезло – оба арестованных понадобились Сталину. Борис Ванников провел за решеткой полтора месяца и был назначен заместителем наркома, после войны он станет одним из руководителей атомного проекта. Кирилл Мерецков просидел два с половиной месяца, вышел, воевал, получил маршальские погоны.

Массовый террор, последовавший за убийством Сергея Мироновича Кирова 1 декабря 1934 года, напоминал сход лавины. Она-то не выбирает жертв, а просто давит все живое. Поэтому жертвами большого террора стали и люди, невероятно далекие от политической и общественной жизни, – рабочие, крестьяне, мелкие служащие, и сами чекисты, которые отправлялись в топку вслед за своими жертвами.

И вот главный вопрос: зачем Сталин все это затеял?

Такая система живет по своим законам. Периоды умеренности – вынужденные и очень короткие. Вождем нужно было вселить во всех страх, укрепить свою власть и сплотить народ. Без страха система не работала. Террор – самый действенный инструмент удержания страны в повиновении.

Страх выявил все дурное, что есть в человеке. Стало казаться, что удельный вес негодяев – выше обычного. Устоять было трудно потому, что перед человеком разверзлась пропасть. Результатом явился паралич всякой инициативы и нежелание брать на себя ответственность. Страх и недоверие сделались в советском обществе главными движущими силами.

В годы Большого террора высшая номенклатура сменилась на девять десятых. Молодые люди без образования и особых достоинств добивались головокружительного карьерного роста. Конечно, они поддерживали репрессии! Всем обязанные Сталину, они спешили доказать свою верность вождю. Им ничего не надо было объяснять. Они не выражали сомнений и легко приспосабливались к любому повороту событий, уготованному вождем.

Члены политбюро превратились просто в подручных. У Сталина исчезла необходимость ладить с товарищами по партийному руководству, убеждать их в своей правоте. Не надо было завоевывать ничьи сердца. Достаточно держать всех в страхе, сажая их жен или помощников. Зачем быть веселым и привлекательным? Единоличный хозяин страны мог позволить себе оставаться таким, каков он на самом деле.

И страна стала другой.

Телевидение еще не появилось. Главный метод пропагандистских кампаний – митинги и собрания, на которых градус эмоций поднимали так, что люди сами начинали требовать крови. И выходило, что уничтожение врагов – воля народа. Целые поколения воспитывались в атмосфере ненависти и неустанного выявления пятой колонны.

Это были катастрофические годы для экономики страны, для науки и искусства. Высказать даже малую толику того, что чувствовали и ощущали думающие люди, было смертельно опасно. Мы плохо представляем себе, сколько людей пожелало принять участие в уничтожении несуществующего внутреннего врага! Кто-то надеялся, столкнув другого в пропасть, спастись сам. Кто-то увидел, что репрессии открывают дорогу наверх и спешил отличиться...

4 марта 1949 года Молотов лишился поста министра иностранных дел. Он оставался заместителем главы правительства, но председательствовать на заседаниях Совета министров Сталин ему больше не поручал.

Полину Семеновну допрашивали на Лубянке. Каждый день Молотов проезжал мимо здания Министерства госбезопасности в черном лимузине с охраной. Но он не решался даже спросить о ее судьбе. Она, правда, была избавлена от побоев – ведь судьба мужа еще не была окончательно решена.

Жемчужиной предъявили обвинение по печально известной 58-й статье, по которой расстреливали или сажали всех политических заключенных. 58-я статья состояла из множества пунктов. Комбинация обвинений позволяла вынести любой приговор – от ссылки до расстрела.

Следователи составили для нее такой букет:

58-1 «а» – покушение на измену Родине, совершенное не военнослужащим;

58-10 – антисоветская пропаганда и агитация;

58-11 – организационная деятельность, направленная на подготовку или совершение контрреволюционных преступлений.

29 декабря 1949 года Особое совещание при Министерстве госбезопасности приговорило ее к пяти годам ссылки. Ее отправили в Кустанайскую область Казахстана.

Лаврентий Павлович Берия иногда шептал на ухо Молотову:

– Полина жива.

Вячеслав Михайлович продолжал жить в Кремле. После того как Жемчужину посадили, Вячеслав Михайлович остался один. Его дочь Светлана обосновалась в городе, там она чувствовала себя свободнее, чем в Кремле. Отец и дочь практически не общались. Если Светлана приезжала к нему, у въезда в арку Боровицких ворот офицеры Главного управления охраны Министерства госбезопасности проверяли ее документы и докладывали дежурному. У жен и детей членов политбюро были специальные пропуска, которые выдавал комендант Кремля.

Молотов еще оставался членом политбюро, и в народе его по-прежнему воспринимали как самого близкого к вождю человека. Его портреты носили на демонстрации. Его имя было присвоено городам и колхозам. Он целый день сидел в своем огромном кабинете, читал газеты и тассовские информационные сводки, уезжал домой обедать, возвращался в свой кабинет. Настоящих дел у него не было.

Сталин расправился с ним на съезде партии.

Съезды партии не собирали много лет, нарушая тем самым Устав КПСС. Предыдущий, XVIII съезд, состоялся в марте 1939 года. XIX съезд открылся 5 октября 1952 года, в воскресенье, в семь часов вечера. Вступительную речь произнес Вячеслав Михайлович Молотов, которого не слишком осведомленное население страны по-прежнему считало ближайшим соратником Сталина. Молотов и предположить не мог, какой неприятный сюрприз ожидает его после съезда.

Вячеслав Михайлович попросил почтить память умерших товарищей. Напомнил о враждебном капиталистическом окружении, о том, что империалистический лагерь готовит новую мировую войну, но успокоил делегатов:

– Наша партия пришла к XIX съезду могучей и сплоченной, как никогда.

И закончил бравурно:

– Да живет и здравствует многие годы наш родной, великий Сталин!

Здравницами вождю заканчивались все выступления на съезде. Делегаты автоматически вставали и аплодировали. Все речи были на редкость серыми и скучными, ни одного живого слова. Сидевшие в зале следили, кому и когда предоставляют слово (это свидетельствовало о положении в иерархии власти), кого критикуют и кого хвалят.

Сталин был уже слаб и отказался делать основной доклад. Отчет ЦК вместо него прочитал Георгий Максимилианович Маленков. Он был одновременно и секретарем ЦК, и заместителем председателя Совета министров, в аппарате воспринимался как заместитель Сталина. Он подчеркнул возрастающую опасность со стороны Запада:

– Мы оказались бы безоружными перед лицом врагов и перед опасностью разгрома, если бы не укрепляли наше государство, нашу армию, наши карательные и разведывательные органы.

Маленков говорил не только о фантастических успехах родной страны, но и о бедственном положении Запада, об обнищании американских трудящихся, о падении покупательной способности доллара, о росте цен и одновременном снижении заработной платы.

Растущий по карьерной лестнице партийный идеолог Михаил Андреевич Суслов порадовался успехам народного образования в Советском Союзе и информировал делегатов о глубоко кризисе просвещения за океаном, где трудящихся держат в «темноте и невежестве»:

– В Соединенных Штатах Америки насчитывается свыше десяти миллионов неграмотных; около одной трети детей школьного возраста не учится. Что касается среднего и в особенности высшего образования, то оно является монополией правящих классов и недоступно детям трудящихся.

Сталин все-таки выступил – коротко – в последний день съезда, на вечернем заседании 14 октября, уже после выборов нового состава ЦК и Центральной ревизионной комиссии.

Полковник Николай Петрович Новик, заместитель начальника управления охраны МГБ, вспоминал:

«Находясь за сценой, я стал случайным свидетелем, можно сказать, комической сценки. Маленков, Берия, Каганович, Молотов, Микоян окружили помощника Сталина Поскребышева и буквально допрашивали его, будет ли Сталин выступать на съезде и какие материалы он ему готовил. Поскребышев отвечал, что он об этом ничего не знает, материалов не готовил.

Сталин выступил в конце съезда с короткой речью, имея в руках маленькую четвертушку листа, на котором было что-то написано от руки. Я увидел, что у Сталина нет слаженной

команды: насколько же он не доверял своим соратникам, если даже не информировал их, будет ли выступать на съезде и о чем намерен говорить!»

Вождь поблагодарил братские партии за поддержку и обещал, в свою очередь, помогать им в дальнейшей «борьбе за освобождение».

Сидевший в зале офицер госбезопасности, которому досталось место рядом с народным артистом СССР Николаем Константиновичем Черкасовым, рассказывал:

«Нашему взору предстало световое сияние над головой И.В. Сталина во время его выступления. Не сговариваясь, мы одновременно произнесли: «Нимб». В зале не было другого яркого источника света, кроме ореола над головой И.В. Сталина. Такое явление возникает, по всей видимости, при большой силе эмоционального напряжения. Все это продолжалось несколько секунд в момент, когда И.В. Сталин произносил с подъемом слова призыва – поднять знамя национально-освободительного движения народов».

После съезда в Кремле был устроен прием. Иностранных гостей приветствовал маршал Климент Ефремович Ворошилов. Он провозглашал все тосты. Сталин пребывал в прекрасном расположении духа.

16 октября провели традиционный после съезда первый пленум нового состава ЦК, на котором предстояло всего лишь избрать руководящие органы – президиум и секретариат. Ничто не предвещало бури, которая внезапно разразится на пленуме. Стенограмма, к сожалению, не велась. О том, что в тот день происходило в Свердловском зале Кремля, известно лишь по записям участников пленума. В деталях они расходятся, но главное излагают одинаково.

Перед началом пленума члены высшего руководства собирались в комнате президиума рядом со Свердловским залом. Обыкновенно Сталин приходил за десять – пятнадцать минут до начала и предупреждал своих соратников о намерении кого-то снять или назначить. На сей раз Сталин пришел к самому открытию, заглянул в комнату президиума и, не присаживаясь, распорядился:

– Пойдемте на пленум.

Все, что происходило потом, стало сюрпризом даже для его близких соратников.

Начало пленума не предвещало никаких неожиданностей. Новенькие члены ЦК встали и зааплодировали. Сталин махнул рукой и буркнул:

– Здесь этого никогда не делайте.

Алексей Матвеевич Румянцев летом 1952 года стал заведовать в аппарате ЦК отделом экономических и исторических наук и высших учебных заведений. На XIX съезде его избрали членом ЦК, поэтому он присутствовал на пленуме. Судя по его воспоминаниям, вождь пришел в отвратительном настроении, сумрачный и угрюмый. Посмотрел в зал желтыми немигающими глазами.

– Чего расхлопались? – спросил глухо и неприязненно. – Что вам тут, сессия Верховного Совета или митинг в защиту мира?!

Члены ЦК растерялись.

– Садитесь! – повелительно произнес Сталин. – Собрались решать важные партийные дела, а тут устраивают спектакль.

На пленумы ЦК обычные ритуалы не распространялись, о чем новички не подозревали. Маленков сразу же предоставил слово вождю. Сталин в сером френче из тонкого коверкота прохаживался вдоль стола президиума и говорил:

– Итак, мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует единство. Однако у нас нет такого единства. В партии глубокий раскол. Я должен доложить пленуму, что в нашем политбюро раскол. Антিলенинские позиции занимает Молотов. Ошибки троцкистского характера совершает Микоян... Спрашивают, для чего мы значительно расширили состав Центрального комитета? Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки передадим эстафету нашего великого дела. Для этого нужны более

молодые, преданные люди, политические деятели. Потребуется десять, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля. Вот почему мы расширили состав ЦК...

Спрашивают, почему видных партийных и государственных деятелей мы освободили от важных постов министров? Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других, и заменили новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра – это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Что касается самых видных политических и государственных деятелей, то они так и остаются видными деятелями. Мы их перевели на работу заместителями председателя Совета министров. Так что я не знаю, сколько у меня теперь заместителей...

Его слова прозвучали откровенной издевкой над старой гвардией. Но это было лишь вступление. Вождь неожиданно обрушился на своих ближайших соратников Молотова и Микояна. У сидевших в зале был шок, хотя Вячеслав Михайлович и Анастас Иванович должны были ожидать чего-то подобного:

– Нельзя не коснуться неправильного поведения некоторых видных политических деятелей, если мы говорим о единстве в наших рядах. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна.

Зал замер. Такого никто не ожидал. Новенькие и не предполагали, что вождь так относится к людям, чьи портреты десятилетиями носили по Красной площади. Сталин предъявил своим соратникам обвинения, тянувшие на высшую меру наказания:

– Молотов – преданный нашему делу человек. Не сомневаясь, не колеблясь, он отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь «под шартрезом» на дипломатическом приеме, дал согласие английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы. На каком основании? Разве не ясно, что буржуазия – наш классовый враг и распространять буржуазную печать среди советских людей – это, кроме вреда, ничего не принесет.

Это первая политическая ошибка товарища Молотова. А чего стоит предложение Молотова передать Крым евреям? Это грубая ошибка товарища Молотова. На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта автономия. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских притязаний на Советский Крым. Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член политбюро.

«Ощущение было такое, будто на сердце мне положили кусок льда, – вспоминал сидевший в Свердловском зале Кремля главный редактор «Правды» Дмитрий Трофимович Шепилов. – Молотов сидел неподвижно за столом президиума. Он молчал, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Через стекла пенсне он смотрел прямо в зал и лишь изредка делал тремя пальцами правой руки такие движения по сукну стола, словно мял мякиш хлеба».

– Товарищ Молотов, – говорил Сталин, – так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится достоянием товарища Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет политбюро с супругой Молотова и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять. Ясно, что такое поведение члена политбюро недопустимо.

Писатель Константин Михайлович Симонов, присутствовавший на пленуме, – его избрали кандидатом в члены ЦК, вспоминал:

«Сталин бил по представлению о том, что Молотов самый твердый, самый негибкий последователь Сталина. Бил предательски и целенаправленно, бил, вышибая из строя своих возможных преемников... Он не желал, чтобы Молотов после него, случись что-то с ним,

остался первой фигурой в государстве и в партии. И речь его окончательно исключала такую возможность».

– Теперь о товарище Микояне, – Сталин обрушился на другого своего верного соратника. – Он, видите ли, возражает против повышения сельхозналога на крестьян. Кто он, наш Анастас Микоян? Что ему тут не ясно? С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами землю навечно. И они должны отдавать положенный долг государству, поэтому нельзя согласиться с позицией товарища Микояна.

В зале стояла мертвая тишина. Ничего подобного давно не звучало в Кремле – со времен предвоенных массовых репрессий. Вождь выступал почти полтора часа, а весь пленум продолжался два часа с небольшим. Когда вождь закончил речь, Микоян поспешно спустился к трибуне и стал оправдываться, ссылаясь на экономические расчеты. Сталин оборвал его и, погрозив указательным пальцем, угрожающе произнес:

– Видите, сам путается и нас хочет запутать в этом ясном, принципиальном вопросе.

Анастас Иванович пробормотал:

– Товарищи, признаю, что и у меня были ошибки, но непреднамеренные...

Сталин махнул рукой, и зал послушно отреагировал:

– Хватит заниматься самооправданием! Знаем вас, товарищ Микоян! Не пытайтесь ввести ЦК в заблуждение!

Ошеломленный Микоян замолчал и покинул трибуну. Молотов тоже признавал свои ошибки, оправдывался, говорил, что он был и остается верным учеником товарища Сталина. Тот резко оборвал Молотова:

– Чепуха! Нет у меня никаких учеников. Все мы ученики великого Ленина.

Иначе говоря, вождь даже не захотел выслушивать оправдания. Это был плохой признак. Иногда раскаяние спасало от кары. Сталин часто устраивал такие провокации и внимательно смотрел, как реагирует обвиняемый. Он считал, что, если человек в чем-то виноват, то обязательно себя выдаст. Главное – заставить его врасплох.

Но тут стало ясно, что вождь миловать не намерен.

Члены ЦК поняли: карьера Молотова подошла к концу.

Разделавшись с соратниками, Сталин сказал, что нужно решить организационные вопросы, избрать руководящие органы партии. Достал из кармана френча собственноручно написанную бумагу и сказал:

– В президиум ЦК можно было бы избрать, например, таких товарищей...

Он огласил длинный список. В него вошли все члены политбюро старого созыва, кроме уже очень большого Андрея Андреевича Андреева, бывшего председателя Комитета партийного контроля. Сталин пояснил:

– Относительно уважаемого Андреева все ясно: совсем оглох, ничего не слышит, работать не может. Пусть лечится!

Вождь включил в президиум ЦК ряд новых и сравнительно молодых партработников вроде Леонида Ильича Брежнева. Сталин хотел к ним присмотреться. Готовился заменить ими старое руководство.

Столь же неожиданно для присутствующих предложил избрать Бюро президиума ЦК (этот орган раньше не существовал и уставом партии не был предусмотрен) – по аналогии с уже существовавшим Бюро президиума Совета министров СССР.

В Бюро вождь включил, помимо себя, своих заместителей в правительстве – Берия, Булганина, Ворошилова, Кагановича, Маленкова, Сабурова, а также секретаря ЦК Хрущева.

Молотова в Бюро президиума ЦК Сталин не включил. Как, впрочем, и Микояна. Что касается Ворошилова, то маршал, похоже, оказался в Бюро президиума случайно. Список Сталин составил сам, ни с кем не советуясь. Похоже, рука по привычке вывела знакомую фамилию

некогда очень близкого ему человека. После пленума, увидев Ворошилова в списке членов бюро, Сталин изумленно спросил:

– Как так получилось? Как это пролез Ворошилов в состав Бюро президиума?

Никита Сергеевич Хрущев вспоминал, что присутствовавшие переглянулись и кто-то робко заметил:

– Вы же его сами называли, когда выступали.

– Не понимаю, как это получилось, – недовольно повторил Сталин.

Когда приступили к выборам секретариата ЦК, Сталин опять зачитал фамилии секретарей. Но себя не назвал. Сидевший в президиуме Маленков протянул руку в направлении трибуны, где стоял Сталин. Из зала раздался хор голосов, так как жест был всем понятен:

– Товарища Сталина!

Вождь негромко произнес:

– Не надо Сталина, я уже стар. Надо на отдых.

А из зала неслось:

– Товарища Сталина!

Все встали и зааплодировали. Сталин махнул рукой, призывая успокоиться, и сказал:

– Нет, меня освободите от обязанностей и генерального секретаря ЦК, и председателя Совета министров.

Все изумленно замолчали. Маленков поспешно спустился к трибуне и сказал:

– Товарищи, мы должны все единогласно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь генеральным секретарем.

Опять началась овация и крики:

– Просим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!

Сталин прошел к трибуне:

– На пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать вопросы без эмоций, по-деловому. А я прошу освободить меня от обязанностей генерального секретаря и председателя Совета министров. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого!

Поднялся маршал Семен Константинович Тимошенко, бывший нарком обороны:

– Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все, как один, избираем вас своим руководителем. Иного решения быть не может.

Зал, стоя, аплодировал. Сталин долго стоял и смотрел в зал, потом махнул рукой, словно в досаде:

– Ну ладно, пусть будет и Сталин.

От должности генерального секретаря формально отказались. Сталина избрали «простым» секретарем ЦК КПСС.

После XIX съезда партии, 18 октября 1952 года, Молотова освободили и от наблюдения за работой Министерства иностранных дел.

Сталин почти не собирал президиум ЦК в полном составе, а создавал для решения тех или иных проблем пятерки, шестерки, тройки. И получалось, что член президиума Молотов не входил в эти тройки и пятерки. Это означало, что ему не присылали никаких материалов, не звали на совещания, не спрашивали его мнения. Сталин ему не звонил и к себе не приглашал.

Один из помощников Вячеслава Михайлович рассказывал:

– В те времена на него просто жалко было смотреть.

Молотов понимал, что все еще только начинается. Самое страшное впереди.

21 января 1953 года Полине Семеновне Жемчужиной, отбывавшей ссылку, предъявили новые обвинения. На сей раз следователи МГБ инкриминировали ей более серьезные преступления, что позволяло уже навсегда упрятать ее в ГУЛАГ. Ее собирались судить по статье 58-1 «а» (измена Родине, а не подготовка к измене, как в прежнем приговоре), статье 58–10

(антисоветская пропаганда и агитация) и статье 58–11 (организационная деятельность, направления к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений).

Жену Молотова хотели пристегнуть к «делу врачей», обвиняемым по которому грозил смертный приговор, за счет этого нарастив, укрупнив этот «сионистский заговор». Сталин заподозрил, что Молотов – американский шпион, его завербовали во время поездки в Соединенные Штаты...

Линия вторая. Прощание с гармонистом

Ветераны – Молотов, Микоян, Ворошилов – надоели Сталину. Он хотел видеть вокруг себя новых людей. Методично отстранял ветеранов от власти. Лишал ключевых должностей. Подрывал их авторитет.

Сам вождь постарел и устал. Возраст и состояние здоровья не позволяли ему полноценно заниматься делами страны. Но снимать, сажать и расстреливать он еще мог. Однажды ночью, собрав соратников у себя на даче, предупредил:

– Вы состарились. Я вас всех заменяю.

После его смерти Председатель Президиума Верховного Совета СССР маршал Ворошилов беседовал с Василием Сталиным – отчитывал того за алкоголизм. Заметил:

– В последние годы у твоего отца были большие странности. Он называл меня английским шпионом.

Проживи Сталин подольше, некоторые члены президиума ЦК тоже попали бы в расстрельный список.

Вождь не знал как избавиться от Андрея Александровича Жданова, который одно время был вторым человеком в партии. После XVIII (1939 год) съезда именно ему Сталин поручил формировать партийный аппарат. До Жданова всеми партийными делами ведал Каганович. Когда он в тридцатые годы замещал Сталина, то даже сидел в его кабинете. Но на XVIII съезде Лазаря Моисеевича впервые не избрали секретарем ЦК...

Сталину несложно было избавиться от кого угодно. Трудность состояла в том, что имя Жданова было связано с крупными акциями, которые нельзя было подвергать сомнению – они определили духовную атмосферу в стране после войны.

Самые знаменитые из них появились уже через год после победы, в 1946 году, – «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа), «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа) и о кинофильме «Большая жизнь» (4 сентября). В результате Анну Ахматову и Михаила Зощенко исключили из Союза писателей, а вторую серию фильма «Большая жизнь» за «идейно-политическую порочность, фальшивое, искаженное изображение советских людей» запретили.

Сильва Гитович, которая работала в Ленинградском отделении Союза писателей, на всю жизнь запомнила, как Жданов выступал в Смольном по поводу Зощенко и Ахматовой:

«На трибуне Андрей Александрович Жданов – представительный, полнеющий, с залысинами на висках, с холеными пухлыми руками. Он говорит гладко, не по бумажке, стихи цитирует наизусть. Все, что он говорит, ужасно. С каждой его фразой напряжение все более и более возрастает. В зале тревожная, шемящая тишина. Все боятся посмотреть друг на друга».

Дело не ограничивалось одной поэтессой, одним прозаиком и одним фильмом. Это был урок остальным. Постановления ЦК перечеркивали надежды интеллигенции на то, что после войны репрессии прекратятся и наступит долгожданная свобода.

5 января 1948 года Сталин и Жданов посмотрели в Большом театре оперу Вано Мурадели «Великая дружба». Постановка им не понравилась. Сняли с должности председателя Комитета по делам искусств Михаила Борисовича Храпченко (известного литературоведа и будущего академика) «как не обеспечивающего правильного руководства».

Сталин обратился к тогдашнему руководителю агитпропа ЦК Дмитрию Шепилову:

– Слушайте, товарищ Шепилов, почему у нас нет советских опер? Всякие там итальянские, немецкие, хорошие русские есть, а советских нет?

Шепилов доложил:

– Товарищ Сталин, это не совсем точно. У нас есть хорошие оперы. Например, «Тихий Дон» Дзержинского, «В бурю» Хренникова.

Сталин его не слышал:

– Надо заняться этим делом. Разобраться, почему нет, и создать условия для того, чтобы такие оперы были.

В феврале появилось разное постановление ЦК «Об опере Мурадели «Великая дружба». В том же году собрали Всесоюзный съезд советских композиторов и провели трехдневное совещание музыкальных деятелей в ЦК. За формализм жестко разносили не только Вану Ильича Мурадели, но и таких выдающихся композиторов, как Дмитрий Дмитриевич Шостакович и Сергей Сергеевич Прокофьев.

Жданову было поручено председательствовать на заседаниях оргбюро и руководить работой секретариата ЦК, что означало: он – второй в партийной иерархии. Иностранцы отмечали: в Ленинграде портретов Жданова больше, чем Сталина. Такой «иконографии» они не видели ни в одном другом городе сталинской России.

На ужинах Сталин сажал рядом с собой Жданова и назначал его тамадой. Правда, всякий раз объяснял Андрею Александровичу, когда и за кого пить, а иногда и буквально диктовал текст тоста. Другие члены политбюро, потом и кровью пробивавшиеся наверх, не любили Жданова, которому, как им казалось, слишком легко далось возвышение по партийной лестнице. Завидовали ему – как без этого!

«Он неплохо играл на гармонии и на рояле, – писал Хрущев. – Мне это понравилось. Каганович же о нем отзывался презрительно: «Гармонист». Каганович часто ехидно говорил:

– Здесь и не требуется большого умения работать, надо иметь хорошо подвешенный язык, уметь хорошо рассказывать анекдоты, петь частушки, и можно жить на свете.

Признаться, когда я пригляделся к Жданову поближе, в рабочей обстановке, стал соглашаться с Кагановичем. Действительно, когда мы бывали у Сталина (в это время Сталин уже стал пить и спаивать других, Жданов же страдал такой слабостью), он брэнчит на рояле и поет, а Сталин ему подпевает. Эти песенки можно было петь только у Сталина, потому что нигде в другом месте повторить их было нельзя. Их могли лишь крючники в кабаках петь, а больше никто».

Почему же Андрей Александрович попал в немилость?

Сталин постоянно менял кадры, выдвигал новых людей. И для Жданова настало время уйти. Личных претензий к нему не было. Он просто оказался лишним в политической игре. Сталин потерял к Жданову интерес, считал его обузой.

Хрущев вспоминал:

«Все обедали у Сталина и дообедались до такой степени, что Жданов уже не мог идти. Захотел он, как это раньше случалось, заночевать у Сталина. Не тут-то было. Сталин ему говорит:

– У вас есть своя квартира.

И буквально выпроводил его».

Жданов страдал тяжелой стенокардией и при этом сильно пил. Даже Сталин, который любил спаивать людей, иногда покрикивал на Жданова, и тот вместо вина послушно наливал себе фруктовой воды. На это обратил внимание побывавший в Москве один из руководителей Компартии Югославии Милован Джилас, который наблюдал Жданова на сталинской даче и пришел к выводу, что это типичный интеллигент-циник. Андрей Александрович единственный за столом пил апельсиновый сок. Объяснил югославскому гостю, что из-за болезни сердца. Джилас, совсем еще молодой человек, наивно спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.